

Садова Татьяна Семеновна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
t.sadova@spbu.ru

О языке «Воинского устава полевой пехотной службе» Павла I*

Для цитирования: Садова Т. С. О языке «Воинского устава полевой пехотной службе» Павла I. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (1): 147–165. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.108>

В статье рассматриваются особенности языка военного устава 1796 г., созданного в эпоху Павла I. В качестве сопоставительного материала используются сходные исследования о языке воинских уставов времен Петра I и Екатерины II. Описываются разноуровневые черты текста, с одной стороны, имеющие характерные для делового языка XVIII в. общие признаки, с другой — отражающие специфику этого текста, в большой степени связанную с прагматикой устава как делового директивного жанра. Подчеркивается лаконичность формулировок статей, непафосность текста в отличие, например, от устава Петра I, строгость и категоричность в изложении как общих правил организации военной службы, так и должностных обязанностей офицеров. Подчеркивается, что количество статей устава, содержащих объяснение причин столь строгих требований, весьма характерное, например, для петровского устава 1716 г., в павловском уставе чрезвычайно незначительно. Наиболее активным грамматическим средством выражения императивности как основной семантико-прагматической категории жанра устава выступает инфинитив, имеющий высокую степень категоричности. Описываются различные синтаксические конструкции, выражающие значение повеления, долженствования, необходимости и др. Замечается, что многочисленные лексические актуализаторы семантики императивности (*живо, проворно, скоро, вдруг, сразу, разом, незамедлительно* и др.), содержательно усиливающие эту категоричность, не встречаются в уставных текстах времен Петра I и Екатерины II. Не столь частотны и модальные структуры с лексическими операторами «*надлежит/должен/должно/нужно + инфинитив*». Отмеченные разноуровневые языковые черты устава 1796 г. свидетельствуют о вполне сложившемся военном подстиле делового языка XVIII в., многие черты которого сохранились до наших дней.

Ключевые слова: текст военного устава, деловой стиль XVIII в., военный подстиль, историческая стилистика.

Тексты военных уставов XVIII в. (как и других документов военной канцелярии этого времени) незаслуженно редко привлекают внимание лингвистов, хотя, бесспорно, содержат ценный речевой материал, свидетельствующий как о процессах, характерных для литературного языка XVIII в. в целом, так и об активном формировании одного из подстилей делового языка — военного, обслуживающего

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00338.

важнейшую для России сферу коммуникации. Эти тексты ожидаемо рассматриваются в исторических и филологических работах, посвященных литературному или документному наследию выдающихся военачальников и государственных деятелей XVIII в., но, как правило, опосредованно и непредметно [Коробов 1944; Никитин 2004; Раскова 2012; Марасинова 2017; и др.]. Нередко они попадают в поле зрения ученых, исследующих региональную деловую письменность XVIII в., но зачастую довольно фрагментарно [Косов 2004; Майоров 2006; Шелтухина, Горбань 2015; Русанова 2021; и др.].

Общее суждение историков о том, что российские военные уставы XVII–XVIII вв. создавались в точном соответствии с иноязычными (западными) образцами, отчасти верно. Установлено, например, что воинский устав времен царствования Алексея Михайловича — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647 г.) — представляет собой «почти дословный перевод с немецкого» известного в то время труда И. Я. Фон Вальхаузена «Kriegskunst zu Fuss» [Епифанов 1946: 15]. Однако уже Петр I, взяв за основу нового устава 1716 г. [УВ] своей армии сразу несколько западноевропейских воинских регламентов, создает в известной степени оригинальный текст [Лютов 2007: 64], поскольку «обширно» включает в него «русскую жизнь и язык российский», в итоге «ни одна из книг “Устава” <Петра> не составляла буквального перевода какого-либо одного законодательно-памятника европейской культуры» [Бобровский 1887: III].

«Устав полевой пехотной службе» 1796 г. Павла I [ВУП] демонстрирует такое же стремление его авторов (императора прежде всего) создать подлинно русский военный регламент с максимальным учетом реалий Российского государства конца XVIII в., о чем свидетельствуют сопоставительные исследования военных историков последних 20–30 лет [Скоробогатов 2005; Гавриленко 2008; Ковалев 2016; и др.].

Текст одного письменного источника, тем более делового назначения, не всегда может оцениваться как достаточный речевой свидетель эпохи. Однако когда дело касается государственного документа, созданного в условиях абсолютной монархии, причем во времена серьезных социальных реформ, часто инициированных самим императором, обращение к такому тексту как запечатлевшему время памятнику представляется вполне оправданным.

Статья посвящена языковым особенностям военного устава 1796 г. как директивного жанра, во многом отразившего отдельный этап развития русского делового языка и эпоху кратковременного, но весьма деятельного правления императора Павла I.

Организация и структура текста устава

Павловский устав состоит из 12 частей, включающих более 90 небольших глав. Устройство его текста во многих компонентах может восприниматься как вполне современное: например, широко применяются нумерованные списки, данные столбцом, включающие порой до десяти пунктов каких-либо уточнений или разъяснений, объединенных обобщающим словосочетанием с характерным словом «следующий» в функции определительного местоимения:

*При следующих случаях офицеры становятся лицом к фронту:
Когда знамя марширует с праваго фланга на середину...*

*Когда рота к заряду сделала, офицеры оборачиваются направо кругом...
Когда рота взводами зашла и опять строится... [ВУП: 23].*

Особенностью устава, в сравнении с регламентами времен Петра I или Екатерины II [ЕУ], следует считать и то, что в нем впервые даются полные (с указанием обязательных жанровых реквизитов) образцы некоторых документов, требуемых повседневной военной жизнью, — рапортов и записок.

Вполне современно выглядят в уставе многочисленные текстовые отсылки, обеспечивающие содержательную цельность и лаконичность документа. Чаще всего они оформляются сложными словами с обязательным компонентом *выше- / ниже-* или клишированными сочетаниями типа *как сказано / что сказано*, а также *смотри + что / куда* и др. Подобные лексические образования прочно сохраняются в современном деловом языке:

*Пустое место наполняется вышеописанным движением [ВУП: 22];
А об марше гренадерской роты со знаменами и вступлении других рот смотри пятой части третью главу [ВУП: 43].*

При очевидном стремлении авторов устава к лаконичности изложения в некоторых случаях замечается обратный принцип организации текста, а именно подробное и нередко весьма «педантично-многословное» описание каких-либо фактов [Шумигорский 1907: 128], прежде всего из внебоевой жизни армии, часто в разделах, посвященных обучению молодых рекрутов:

*Рядовым же вымыться, причесаться, подтянуть штиблеты, вытереть башмаки, вычистить шляпы и мундиры и поправить галстуки и портупел [ВУП: 63];
Караульному офицеру не позволяется иметь постели, ни шлафрока, ни тулупа, и еще менее раздеваться, а должен он во всю ночь быть в мундире [ВУП: 115].*

Детальному разъяснению какой-либо статьи устава служили и многочисленные разделы под заголовком «Примечание», которые набирались более мелким, чем основной текст, шрифтом. Они следовали за соответствующей статьей, дополняя ее конкретикой, и оформлялись краткими инструктивными (по содержанию) предложениями, преимущественно инфинитивными. Некоторые статьи снабжались сразу несколькими примечаниями, что значительно отличает павловский устав от текстов военных уставов Петра I и Екатерины II.

ПРИМЕЧАНИЕ.

*Пуговицы старых мундиров по рукам не отдавать.
Из старых камзолов делать фуфайки, шапки фуражные и рукавицы [ВУП: 92];
Кафтаны так шить, чтоб зимою могли по рукавам и другим швам распускаемы быть для фуфаяк [ВУП: 93].*

Лексические и стилистико-прагматические особенности устава

Из общих замечаний о стиле павловского устава как документного текста конца XVIII в. следует отметить, что факты стилистического контраста, столь характерного, например, для устава 1716 г., здесь не отмечаются. Разговорные сло-

ва и выражения, как правило, используются в павловском уставе функционально оправданно — в тех разделах, в которых, например, регламентируется поведение рядовых солдат или перечисляются возможные оплошности неопытных рекрутов. Допустимо полагать, что эти статьи читались вслух перед строем и адресовались как раз этой аудитории:

Маршировать, вытянувши колено, носки вон, корпус держать прямо, а не назад, и не высовывая брюха [ВУП: 6];

Часовым у арестантов шуму не терпеть и не давать оным напиваться пьяным [ВУП 61].

Интересно использование в павловском уставе заимствованной лексики, неизбежной в деловых (и не только) текстах всего XVIII в. Так, военный устав Петра I, включавший множество иноязычных слов военной сферы, содержал обязательные внутритекстовые и затекстовые их толкования, в чем была, видимо, практическая надобность:

Корволант [сиречь легкий корпус] <...> отдается к некоторому делу в команду генералу [УВ: 16-17];

Надлежит генералу квартирмейстеру, всегда маркетентерам [или харчевникам] при новомъ обозе, особливое место определить [УВ: 62].

В уставе екатерининской эпохи 1776 г. внутритекстовые глоссы также присутствуют, но уже в меньшем количестве. Павловский текст разъяснений заимствованных слов не содержит вовсе. Военная терминология в уставе и, видимо, в военной среде этого времени в целом предстает вполне оформленной лексической подсистемой с уже освоенными заимствованиями. В качестве свидетельства этой «освоенности» может служить и тот факт, что бóльшая часть иностранных терминов фиксируется «Словарем Академии Российской» (1789–1794) [САР], а также учебными книгами по ратному искусству, ко второй половине XVIII в. публиковавшимися в России с известной регулярностью и немалыми тиражами [Лютов 2007: 65].

В контексте сказанного особняком оказывается термин (устойчивое словосочетание) *поень де вю*, неоднократно использовавшийся в начальных статьях павловского устава и представленный в транслитерированном написании:

Ему надлежит перед собою идущее знамя на данной поень де вю направлять [ВУП: 17];

Для поень де вю становить двух унтер-офицеров [ВУП: 21].

Примечательно, что этот термин не фиксируется «Словарем Академии Российской» (далее — САР), однако отсутствие какого бы то ни было пояснения в тексте павловского устава может свидетельствовать о том, что он был хорошо знаком офицерам русской армии конца XVIII в., поскольку многократно используется в статьях, адресованных именно офицерскому, командному составу. Об употребительности этого термина в русской книжности XIX в. (и не только военной) косвенно свидетельствуют и данные «Исторического словаря галлицизмов русского языка»: «пуэн де вю» — «иск. видовая точка. Место, откуда на предмет смотреть должно...» [Епишкин 2010]. И все же основной массив заимствованных к этому времени слов-

обозначений, касающихся военной сферы, — германизмы, на фоне которых термины французского происхождения воспринимаются (в некотором смысле) как экзотические: неслучайно, видимо, и *поень де вю*, и некоторые другие галлицизмы в русском военном терминослове не столь долговечны и употребительны.

Любопытно отметить еще одну прагматическую особенность устава, связанную, видимо, и с логикой военных реформ Павла I, и с его убеждением в том, что армейская дисциплина есть дисциплина беспрекословного послушания. Так, если уставы Петра I и Екатерины II при общей императивной интенции, свойственной всякому военному уставу как жанру, полны синтаксических структур с объяснительной семантикой (чаще это придаточные предложения с участием союзов *дабы*, *ибо*, *понеже* и др.), то павловский устав предпочитает преимущественно безобъяснительные повелительные конструкции, выраженные самыми частотными для этого текста императивными средствами — инфинитивными предложениями:

Унтер-офицеров отпускать разом только по два из роты; унтер-офицеров же из дворян вовсе не отпускать... [ВУП: 88];
Рекрут в полках учить по утру от 5ти до 9 часов. <...> Барабаничиков учить между часа и трех по полудни [ВУП: 124].

Известно, что императивные конструкции, «содержащие аргументационные части», как правило, «характеризуются сниженной степенью категоричности» [Кулькова 2010: 46]; для павловского же устава, нацеленного на коренное реформирование армии пост-екатерининского времени, «снижение категоричности», по всей вероятности, было неприемлемо.

Тем более неожиданны единичные фрагменты павловского текста, представляющие собой довольно пространные рассуждения о причинах государственной строгости и повышенной требовательности, прежде всего к офицерству. Вводные структуры с семантикой сомнения, сожаления, сложные предложения с подчинительной, часто причинной связью между главным и придаточным, конструкции с модальными и местоименными словами, добавляющие в повествование уступительные или желательные семантические оттенки, — все эти (и другие) языковые средства, как кажется, призваны выразить «вынужденный императив» Павла I, его апелляцию к разуму и совестливости офицера [Кобеко 2001: 314], способного понять и принять эти неизбежные, продиктованные объективной необходимостью требования.

Примечается, к крайнему сожалению, что побегу умножаются; а сие не может произходить от инаго, как от злоупотребления и от дурных поступок командующих; равномерно и от того, когда оные не отпускают людям всего сполна [ВУП: 87].

Инфинитивные структуры как способ выражения императивной семантики текста

Жанр военного устава (любого времени) по директивной своей функции, по приказному назначению требует использования различных языковых средств для выражения общей императивной семантики текста. Репертуар этих средств, даже в сходных жанровых формах XVIII в., порой существенно различается.

В контексте общего заключения об исключительной строгости и (во всех отношениях) абсолютистской императивности павловского устава существенно известное замечание А. А. Шахматова о том, что инфинитив — «более категоричная форма выражения приказа... чем повелительное наклонение (глагола. — Т. С.)» [Шахматов 1941: 82].

Подавляющее преобладание в тексте устава инфинитивных конструкций над иными семантико-синтаксическими структурами со значением императивности наглядно демонстрируют количественные показатели — таких конструкций насчитывается более 1200 на 144 страницы текста. Иными словами, повелительные «инфинитивные сочетания» охватывают практически все «императивные ситуации»¹, освещенные в уставе.

Единичный случай т. н. пожелательного императива (оптатива) только подтверждает общий «категоричный стиль» павловского уставного текста:

Не худо иногда посылать унтер-офицеров патрулем; дабы часовые тем осторожнее были, опасаясь их, более нежели ефрейторов [ВУП: 71].

Итак, в ситуации строгой иерархии и жесткого распределения функций между участниками военной коммуникации инфинитив употребляется, как правило, в исключительно воздействующей (повелительной, запретительной, разрешительной) функции, при этом важнейшее значение в отборе языковых средств, выражающих это значение в тексте устава, имеет фактор адресата, на которого направлено императивное речевое действие (уставный императив).

Примечательно, например, что в разделах, посвященных воспитанию новобранцев, довольно широк перечень инфинитивов-предписаний, адресованных офицерам, ответственным за боевую выучку рядового состава:

Когда рекруты или новые люди причисляются к ротам, то капитанам заставлять оных учить офицерам... особливо такового определить к хорошему товарищу на квартиру, который бы иногда его учить и его почти воспитать мог: и дабы рекрута не отвратить от своей должности и охоты ко оной, но оную внушить в него [ВУП: 37].

Важно отметить, что во всех главах устава из двух глаголов — с прямым нейтральным значением и с оттенком интенсивности действия — избирается, если позволяет контекст, последний: например, не *взять*, а *схватить*, не *побежать*, а *кинуться*, не *опустить*, а *дернуть*, не *отвести*, а *оттолкнуть* и т. п. Этой же цели интенсификации содержания глагола служат сопровождающие его частотные во всем тексте наречия *вдруг*, *скоро*, *живо*, *крепко* и др.:

Все приемы делать живо, и крепко браться за ружье; приступать же, приподнимая немного ногу и опуская скоро и крепко [ВУП: 6];

Как можно скоряе схватить ружье с плеча, и схватить левою рукою за ружье [ВУП: 7];

Дернуть ружье с плеча, перенося при том левую руку на верхь замка [ВУП: 9];

Вдруг и очень проворно оттолкнуть ружье от тела [ВУП: 10].

¹ Термин А. В. Бондарко [Бондарко 1990: 80].

В тексте чрезвычайно частотное использование инфинитивных форм трех синонимичных глаголов, выражающих общее значение надзора, контроля над кем-либо / чем-либо: *наблюдать, примечать, смотреть*. Эти глаголы используются только в разделах, описывающих обязанности офицеров-командиров. Нередко они сопровождаются актуальными для устава лексическими и фразеологическими интенсификаторами, о которых говорилось выше:

Генерально смотреть офицерам, чтобы по квартирам с огнем осторожны были и табуку не курили [ВУП: 101];

Наблюдать в походе, со всею возможною точностию, все то, что сим Уставом запрещено или повелено [ВУП: 102];

Весьма примечать, чтобы головы колонн выступали вместе [ВУП: 103].

В САР указанные глаголы зафиксированы, причем толкуются «перекрестно», т. е. с использованием сходных дефиниций и посредством друг друга:

Наблюдаю — «1. Сохраняю, исполняю предписанное, повеленное; 2. В физико-математических науках: **примечаю**, примечание делаю [САР 1789–1794, т. I: 236];

Смотрю — «3. *за кемъ или за чемъ: **Примечаю**, присмотр имею.... *Смотреть войско*. Относительно начальствующим надъ войсками: свидетельствовать упражнения, порядок и состояние воинское [САР 1789–1794, т. V: 598–599];

Примечаю — «1. Делаю на чем метку или употребляю большее внимание; 2. *Усматриваю; 3. За кемъ: **наблюдаю, подсматриваю, приглядываю**» [САР 1789–1794, т. IV: 434].

И все же некоторые отличия в значении и, как следствие, в особенностях грамматического поведения этих синонимичных глаголов в тексте устава наблюдаются.

С одной стороны, все три глагола — переходные, способны свободно управлять винительным падежом прямого объекта, в функции которого часто выступают придаточные изъяснительные, вводимые союзом *чтоб*. В таких случаях очевидна их объединительная (интегральная) семантика, а именно «надзор за исполнением требований устава»:

Офицерам смотреть, чтоб люди крепко на землю садились [ВУП: 28];

*Унтер-офицерам отнюдь не запрещать жениться, но **наблюдать, чтоб** брали жен хорошаго состояния и поведения* [ВУП: 89].

Глагол *наблюдать* прежде всего реализует значение, отмеченное в САР в качестве основного, — «исполнять предписанное, повеленное», близкое значению однокоренного *соблюдать* — «исполнять в точности, сохранять» [САР 1789–1794, т. I: 236]². В таких случаях *наблюдать* легко управляет винительным падежом имени в единственном и множественном числе:

*Во время шаржирования **наблюдать** крайнюю тишину* [ВУП: 27];

***Наблюдать** всегда на походе **строгую дисциплину** между солдат* [ВУП: 102].

² «Соблюдать» в павловском уставе не употребляется.

Так же свободно в управлении винительным падежом имени, однако менее активно, ведет себя глагол *примечать* в значении «обращать особое внимание»:

Всем часовым быть всегда осторожным и примечать все происходящее днем и ночью [ВУП: 59].

В случаях, когда глагол *наблюдать* выражает сходное значение с *примечать*, а именно — значение надзора и контроля, то они часто употребляются парно, в одном перечислительном ряду, при этом очевидно, что один из инфинитивов выполняет как бы усилительную, модальную функцию:

Маршируя всем полком, примечать и наблюдать фланговым офицерам, чтоб интервалы баталионов не терять [ВУП: 31].

Актуализация значения «смотреть, присматривать» у глаголов *наблюдать* и *примечать* особенно ярко проявляется в тех случаях, когда они находятся в непосредственном контакте с глаголами близкой семантики (например, *осматривать, глядеть, видеть*) и выступают в роли однородных сказуемых:

Капитанам и прочим офицерам осматривать вахт-парад и наблюдать, чтобы солдаты чисто одеты были и ни в чем недостатка не было [ВУП: 52];
Положив ружье на плечо, примечать и глядеть направо [ВУП:81].

Глаголу *примечать* в значении «уделять повышенное внимание» близок однокоренной глагол *замечать*, используемый в сходных контекстах. Однако употребление его зафиксировано лишь дважды:

Офицерам и унтер-офицерам всегда замечать солдат, которые под ружьем или в должности ошибались [ВУП: 36];
Капитанам замечать тех солдат, которые еще не выправлены и в учении слабы [ВУП: 36].

Глагол *смотреть* в этом отношении имеет серьезные грамматические ограничения: если он легко вводит придаточное изъяснительное с союзами *чтоб* и *как*, то единичным именем в винительном падеже практически не управляет, за исключением единственного случая, когда *смотреть* означает «надзирать»:

Для чего генерал-штаб-доктору и штаб-лекарю смотреть каждый месяц расходы баталионнаго лекаря [ВУП: 141].

Неслучайно такое управление в САР отмечается лишь в рамках фразеологического сочетания: «*Смотреть войско*. <...> Свидетельствовать упражнению, порядок и состояние воинское [САР 1789–1794, т. V: 598–599]. В остальных случаях употребляются конструкции с предложным творительным *смотреть за кем-либо, за кем-либо*:

Офицерам смотреть за людьми, чтоб не таили болезней [ВУП: 84];
Смотреть за солдатами, чтобы кроме нужных мест не испражнялись [ВУП: 109].

Способы выражения запрета

Заметим, что конструкций «не + инфинитив» (с неизбежной запретительной семантикой) в уставе значительно меньше, чем повелительных сочетаний без отрицания с тем же значением. Характерно, что некоторые из них употребляются в строго противительных позициях:

Каптенармусу не ходить на караул, а осматривать ему, когда при роте дела не имеет [ВУП: 1];

Не принимать в службу лекарей без экзамена медицинской коллегии [ВУП: 83].

Типичным для устава способом усиления императивного значения, как не раз отмечалось, является присутствие при инфинитиве так называемых слов-интенсификаторов значения повеления (в данном случае — запрета). Речь идет прежде всего о местоимениях и местоименных группах (*никогда, никто, все, всегда, никому и никогда, ни при каких случаях* и др.), а также об устойчивых, устноречевых по происхождению, бинарных формулах категоричности, выраженных с помощью двойного отрицания *ни* (*ни днем ни ночью, ни при заре ни ввечеру* и др.). Многочисленны в этой функции и весьма характерные для всего текста устава наречия и наречные сочетания, содержательно усиливающие значение глагола-инфинитива и зачастую добавляющие значение временной и качественной интенсивности действия:

Алебарду же никогда не держать у ноги, когда солдаты ружья держат на плече [ВУП: 24];

Унтер-офицерам же... исполнять службу и должность по самой точности [ВУП: 37];

Рапортуящему никуда по дороге не заходить и не останавливаться ни за чем [ВУП: 62];

Не отлучаться ни под каким видом караульным офицерам или унтер-офицерам, которые командуют, ни днем, ни ночью [ВУП: 63].

В качестве модальных глаголов, выражающих (в сочетании с инфинитивом смыслового глагола) запрет какого-либо действия, в павловском уставе используются следующие: *запрещается, не позволяется, не дозволяется, не дозволять, не следует*, причем последняя форма с отрицанием семантически более близка к рекомендациям, чем к строгим запретам.

Отметим весьма редкое для павловского устава бессубъектное использование конструкции с глаголом *запрещается*, которое замечено в единственном контексте, манифестирующем «вселичность» и обобщенное значение целого высказывания [Тарланов 1999: 42]:

Запрещается переменять что-либо в унтер-офицерских, музыкантских, барабанщицких и рядовых мундирах [ВУП: 95].

В остальных случаях употребления той же прохибитивной безличной конструкции субъект запретительного действия явлен, и выражен он, как правило, личным именем в форме дательного падежа множественного числа:

Караульным офицерам запрещается иметь постели, тулупы и тому подобное [ВУП: 63];

Запрещается людям под смертную казнию стрелять прежде, нежели когда офицеры командовать будут [ВУП: 134].

Интересно отметить также и то, что перформативный глагол *запрещать*, исходно содержащий сему отрицания, используется в уставе только с отрицанием *не-*, причем в сочетании с единственным глаголом-инфинитивом *жениться*, в результате чего возникает «разрешительный» контекст, актуализированный в одном из употреблений также наречием *отнюдь* ‘совсем, всегда, вообще’:

Унтер-офицерам отнюдь не запрещать жениться, но наблюдать, чтоб брали жен хорошаго состояния и поведения [ВУП: 89];

Рядовым равномерно не запрещать жениться или женатым прежде солдатства иметь при себе жен, но наблюдать впрочем то, что сказано во втором пункте [ВУП: 89].

Интересно функционирование пары однокоренных модальных глаголов *не по-звояется* и *не дозволяется* в составе императивной конструкции (+ инфинитив) запретительной семантики. Прохибитивные структуры с обоими указанными глаголами весьма немногочисленны: с *не по-звояется* — три случая, с *не дозволяется* — два. Оказалось, что глагол *не по-звояется* сочетается преимущественно с глаголом-инфинитивом *иметь*, *не дозволяется* — с глаголом *быть*. Например:

Караульному офицеру не по-звояется иметь постели, ни шлафрока, ни тулуна [ВУП: 115];

Волунтерам же не дозволяется быть при отдании пароля, исключая тех, которые действительно в службе; за что отвечать дежурным генералам [ВУП: 118].

Примечательна при этом следующая прагматическая закономерность: при сочетании *не по-звояется иметь* субъектами-исполнителями запретительного действия выступают *губернатор, коммендант, караульный офицер, офицер*. При конструкции «не дозволяется быть» в качестве субъектов обнаруживаются *волонтеры и солдаты* — так же, как и при «не дозволять + инфинитив»:

Не по-звояется ни одной ночи ночевать губернаторам и коммендантам вне крепости, без государева на то позволения [ВУП: 49];

При всяких случаях патрон брать из суммы и для того не дозволять затыкать солдатам патроны [ВУП: 28].

Рассматриваемые глаголы при кажущейся близкой синонимичности в тексте павловского устава не взаимозаменяемы, они используются, как видим, прагматически последовательно, т. е. с явным учетом адресата.

Заметим, что в САР эти глаголы не фиксируются, однако в «Словаре русского языка XVIII в.» имеются важные для нашего наблюдения замечания, касающиеся второго значения глагола *дозволять*: «2. с инф. и (редко) что. *Дать возможность*» [СРЯ]. В словаре В. И. Даля присутствует еще более показательное толкование слова *дозволять*, как кажется, объясняющее тот факт, что в запретительных конструкциях устава этот глагол-предикат употребляется только при субъектах — низших армейских чинах: «Дозволять, дозволить что, допускать кого к чему, соглашаться на что, быть дозволенному... просить дозволения» [Даль 2003, т. 1: 454].

Для времени создания павловского устава различие этих глаголов, видимо, состояло как в объемах понятий, ими выражаемых, так и в стилистических оттенках значений, повлекших за собой, как свидетельствуют текстовые примеры, и прагматическое их «разведение», прежде всего — по типу адресата. Поэтому *не позволяется* что-либо офицеру/командиру/губернатору, а *не дозволяется* — волонтеру, солдату.

Формула «не следует + инфинитив» примечательна своей «смягченной императивностью», скорее рекомендательной, чем повелительной модальностью, что для устава, как отмечалось, вовсе не характерно. Безличный глагол *следует* по происхождению — калька с немецкого *sollte* [Магдалинская 2011: 193], в русском документном тексте XVIII в. проявившая очевидную деривационную активность. Так, производные *следующий, последующий, нижеследующий* прочно закрепились в деловых текстах того времени, сохранив уверенную стилистическую «прописку» и в современном деловом языке.

В количественном отношении императивные прохибитивные конструкции в павловском уставе не столь частотны, как в военных регламентах предшествующих эпох [Руднев, Пушкиарева 2021: 10–11], однако более разнообразны по набору средств выражения запрета, прежде всего за счет расширения состава лексических интенсификаторов и употребления ряда новых слов в модальной функции.

Лексические интенсификаторы значения императивности в инфинитивных конструкциях

Из уже рассмотренных групп лексических интенсификаторов императивного значения глагола наиболее частотны слова-актуализаторы, которые можно включить в группу интенсификаторов временной семантики: *скоро, вдруг, проворно, коротко, тотчас, всегда, как можно скорее* и др.:

Все приемы делать скоро и коротко по флигельману; флигельману при том также делать скоро, но с размашкою [ВУП: 6];

Скоро и проворно вынести патрон правою рукою на четверть от рта [ВУП: 8];

Плутонгам или дивизионамъ тотчас по команде изготовляться прикладываться или отставлять [ВУП: 28].

Примечательно, что чрезвычайно частотное в тексте устава слово *проворно* в САР не зафиксировано, в то время как в словаре Даля оно определяется широким синонимическим рядом слов, причем различной семантики, и не только временной: «скорый, быстрый, бойкий, приткий, расторопный, инж. моторный, поворотливый, живой, всюду поспевающий» [Даль 2003, т. 3: 474].

Очевидно, что сочетанием *вдруг и проворно*, помимо временных, передаются и дополнительные семантические оттенки — «умело, расторопно», «четко и точно». Неслучайно при *проворно* довольно часто используется наречие *очень*, усиливающее интенсивность семы «умело, расторопно», в результате чего характеризуется синкретичное по содержанию действие — и быстрое, и умелое, и четкое. В той же функции, видимо, употребляется усилительная частица *же*:

Проворно ж в прежнем положении вынести патрон против рта [ВУП: 8];

Вдруг и очень проворно оттолкнуть ружье от тела [ВУП: 10].

В сочетании со словом *скоро* наречие *вдруг* актуализирует и усиливает прежде всего временную семантику, так как у слова *скоро* в САР отмечаются три значения, и все временные: «1) шибко, прытко, быстро; 2) употребляя малое время; 3) в непродолжительном времени» [САР 1789–1794, т. V: 492].

Перенестъ вдруг и скоро алебарду обороченную на плечо, при том держать левую руку почти вытянутою [ВУП: 47].

В составе контактной синонимичной пары со словом *крепко* слово *вдруг* обнаруживает целый ряд содержательных оттенков: ‘тотчас’, ‘жестко, твердо’, ‘уверенно’. Это становится возможным потому, что слово *крепко*, выступающее в этой паре семантическим «мотиватором» общего значения конструкции, имеет три весьма показательных значения, зафиксированных в САР: «1. Твердо, плотно, прочно. 2. Неробко, отважно, с ревностию. 3. Жестоко, сильно. 4. То же значит, что *весьма, очень*» [САР 1789–1794, т. III: 1052]:

Вдруг и крепко схватить правою рукою за дуло [ВУП: 11];

Крепко и вдруг приступить правою ногою перед левую [ВУП: 11].

Примечательно при этом, что *крепко* и *вдруг* могут присутствовать в одном контексте дистантно, но сочетаться с однокорневыми глагольными формами:

Приступить крепко, и вдруг правою ногою приступаю... прямо держать ружье к правой руке [ВУП: 11].

Вторая группа лексических интенсификаторов при императиве-инфинитиве может быть определена как группа интенсификаторов качественно-характеризующей семантики: *живо, неотменно, прилежно, строго* и др.

Фланговым унтер-офицерам маршировать точно прямо на то место [ВУП: 22];

Когда шаржировать, то неотменно иметь каждому солдату новой кремень [ВУП: 29];

Штаб-офицерам, капитанам или командирам строго разыскивать на тех унтер-офицерах, которые только в присутствии офицеров должность порядочно исправляют [ВУП: 37];

В марше, бригадным командирам смотреть прилежно, чтоб батальоны бригад их шли в надлежащих дистанциях [ВУП: 104].

Парных сочетаний наречных слов качественно-характеризующей семантики также несколько. Часто они сочетаются с другими единичными интенсификаторами, выраженными и местоимениями, и целыми формулами, создавая цепочные соединения семантически близких речевых единиц, призванных усилить, «укрупнить» значение инфинитивов-императивов:

Все приемы делать живо и крепко братья за ружье; приступать же, приподнимая немного ногу [ВУП: 6];

Солдату проворно заряжать и порядочно владеть своим ружьем [ВУП: 64].

Безличные конструкции со значением императивности

Репертуар специальных безличных конструкций, оформляющих в уставе значение повеления/приказания, довольно широк: «должен + инфинитив» (76 употреблений), «надлежит + инфинитив»³ (43), «дóлжно + инфинитив» (36); «надобно + инфинитив» (9); «может + инфинитив» (5); «повелевается + инфинитив» (3); «дозволяется + инфинитив» (2), «следует + инфинитив» (2); «дозволено + инфинитив» (2); «иметь + инфинитив» (2); «позволяется + инфинитив» (1); «нужно + инфинитив» (1). Как видно из количественной характеристики употреблений перечисленных моделей, частотность их невелика, поскольку основным средством выражения повеления, как и других деонтических значений в уставе, как отмечалось выше, является инфинитив.

Модальное слово *должен* в составе императивной конструкции довольно активно, однако последовательно употребляется с одними и теми же глаголами, образуя повторяющиеся предикативные единицы, в некотором смысле принимающие статус устойчивых жанровых формул, ставших весьма частотными в деловом языке последующих эпох: *должен явиться* (5 употреблений), *должен приказать* (4), *должен рапортовать* (3), *должен кричать/окликать* (3), *должен быть* (3), *должен стоять* (2), *должен располагать* (2).

При этом личный субъект непременно выражен, так как специфика модального слова *должен* в том и состоит, что оно всегда «используется в конструкциях с прямым субъектом действия, имеющим в предложении грамматическую роль подлежащего» [Дронова 2006: 191]:

Часовые должны окликать, а на внешнихъ постах окликать и требовать лозанга, и прилежно все осматривать [ВУП: 112];
Естьли ж что маиор найдет неисправным, должен о том рапортовать баталионному командиру [ВУП: 115].

Весьма употребительны сочетания *должен* с несвободным инфинитивом глагола *быть* в составе составного сказуемого:

- 1) «должен + быть + страдательное причастие (чаще в краткой форме)»: *Караул всегда должен быть ранжированным* [ВУП: 57];
Сей же артикул должен особо быть везде опубликован [ВУП: 137].
- 2) «должен + быть + (предлог) падежная форма имени существительного»: *Все барабанищики должны быть под знамена...* [ВУП: 35].
- 3) «должен + быть + прилагательное, в том числе в сравнительной степени»: *Посты, составляющие цепь полка, всегда должны быть двойные, а прочие одинакие* [ВУП: 112];
Караул должен быть гораздо многочисленнее [ВУП: 142].

В составе императивных конструкций довольно частотно и модально-предикативное слово *дóлжно*, которое имеет ряд существенных отличий в функционировании и значении от однокоренного *должен*.

Во-первых, конструкция с *дóлжно* может быть бессубъектна. В этом случае она выражает «всеобщее» повеление, имеющее характер категоричного предписания

³ О сочетании «надлежит + инфинитив» см.: [Садова 2020].

обобщенному адресату, т. е. субъекту-исполнителю, который, конечно, подразумевается, но грамматически не явлен:

В шеренгах и рядах при всяком темпе должно равно держать ружье и всегда в равном расстоянии от тела [ВУП: 6];

На всяком карауле иметь должно топор, носилки для дров, кочергу, кадку для воды, лопатку и метлу [ВУП: 65].

Во-вторых, если субъект все же явлен, то выражается он существительным лица или (реже) личным местоимением 3-го лица в форме дательного падежа, при этом семантика обобщенного предписания сохраняется:

Людям должно быть в новых мундирах, а старые раздаются по рукам [ВУП: 101].

Заметим, что субъектное сочетание *N должен* близко по значению *N обязан*, в этих случаях актуализируется значение вынужденной / навязанной извне обязанности, в то время как в конструкциях с безличным «должно» создается особая «императивная ситуация», которая предполагает как бы внутреннюю обязательность субъекта-исполнителя.

Такая императивная ситуация выражает, по меткому замечанию Л. П. Дроновой, «бессубъектную необходимость» [Дронова 2006: 225]. Неслучайно В. В. Виноградов указывал, что слова типа *должно*, демонстрируя «скрещение категорий наречия и имени прилагательного в какой-то новой грамматической категории», весьма близки к категории состояния [Виноградов 1986: 341].

Схожее функционирование в составе конструкции повеления имеет модальное слово *потребно*, поскольку (как и *должно*) может использоваться и с субъектом, выраженным существительным лица в дательном падеже, и без субъекта, создавая условия для «безличностной императивности»:

С каждого полку наряжать капитана и столько офицеровъ на караул, сколько, смотря по нужде, в гарнизоне потребно [ВУП: 53];

Из упомянутой суммы капитаны и субалтер-офицеры столько получать могут, сколько им потребно на исправление экипажа, платя однако ж проценты [ВУП: 85].

Имеющиеся в уставе два контекста с этим словом демонстрируют явное отличие от структур с *должно*, и прежде всего в синтаксическом расположении компонентов деонтической формулы, разорванной двумя частями нерасчлененного сложноподчиненного предложения. В обоих случаях инфинитив смыслового глагола находится в составе главного предложения, модальное слово *потребно* — в составе придаточного. Контактные слова, связывающие две предикативные части в одно смысловое целое, представляют собой пару «столько — сколько», как будто выражая количественные отношения. Однако благодаря присутствию слова *потребно*, содержательно и грамматически тяготеющего к инфинитиву, вся придаточная часть как бы целиком приобретает модальное значение необходимости, потребности и сочетается с главным предложением как «сложным инфинитивом», в котором заключено основное содержание повеления.

К конструкциям с *потребно* близки по значению инфинитивные сочетания с безличным *надобно*:

Когда надобно будет отпереть ворота ночью в военное время, тогда усилить караул у ворот, посылая от главного караула [ВУП: 68].

«Надобно — в образе глагола безличного означает: потребно, нужно, должно, надлежит», — свидетельствует САР [САР 1789–1794, т. II: 690]. Показательно, что *потребно* расположено первым в ряду синонимов, выбранных для толкования *надобно*. Заметим при этом, что из восьми употреблений *надобно* в тексте устава в семи случаях оно включено в состав условного или временного придаточного и неизменно соотнесено с будущим временем:

Естьли же оныя отпирать надобно будет, подкреплять тогда караул у ворот от главнаго караула [ВУП: 69];

Естьли солдатам надобно будет за оную итти за мытъем, то командировать с ними офицера [ВУП: 107].

Другие формулы выражения повеления/долженствования/необходимости имеют единичные употребления и могут быть квалифицированы двояко: а) как «остатки» или «рудименты» прежней деловой письменности, по разным причинам исчерпавшие свою актуальность и содержательную мотивированность («да не дерзает + инфинитив», «иметь + инфинитив»); б) как только что вошедшие в обиход уставной коммуникации, расширившие свою употребительность в последующие времена («назначено + инфинитив», «необходимо + инфинитив»).

Заключение

Устав Павла I — пример творческой переработки исходного образца, текста прусской армии 1760 г., причем переработка эта была подчинена ясной цели — адаптировать западноевропейский устав под нужды и реалии российской жизни и российской государственности. Военный документный стиль в уставе предстает как вполне сложившийся:

- профессиональная военная терминология, даже заимствованная, ко времени создания устава демонстрирует (за редким исключением) актуальность и освоенность;
- стилистический облик текста устава однороден и не имеет явных «книжно-разговорных швов», столь характерных, например, для уставов Петра I и Екатерины II;
- главы устава имеют четкую установку на адресата волеизъявления монарха, что отражается на их лексическом и грамматическом оформлении. Эта прагматическая черта исследуемого текста лишней раз доказывает, что к концу XVIII в. деловой язык накапливает такое разнообразие речевых средств, которое позволяет учитывать «прагматическую стихию» [Никитин 2017] деловой коммуникации в целом;
- система средств, выражающих семантико-прагматическую категорию императивности, характерную для директивного жанра вообще и устава в частности, весьма разнообразна, однако наиболее частым средством выражения императивной семантики оказываются инфинитивные структуры, что во многом отражает особенности «государственного наречия» самого Павла I [Никитин 2017].

Исследование специальных способов языкового выражения повелительной семантики в уставе Павла I на фоне других уставных текстов XVIII в. демонстрирует

две основные тенденции в способах оформления директивного документа военной сферы в целом.

С одной стороны, вслед за существенной перестройкой социальных отношений, связанной с многочисленными государственными реформами Павла I, неизбежными оказались изменения в выражении императивных значений в распорядительных государственных документах этой эпохи. Так, в тексте павловского устава (в сравнении, например, с военными уставами времен Петра I и Екатерины II) заметно расширяется набор лексических интенсификаторов (*живо, скоро, скоро и вдруг, как можно скорее, проворно* и др.), в сочетании с инфинитивом смыслового глагола выражающих императивное значение. Становятся неактуальными объяснительные структуры, часто сопровождавшие те или иные уставные положения в уставах предшествующих эпох. Наибольшей категоричностью отличаются статьи устава, адресованные офицерам: расширяется круг «педагогических» обязанностей русского офицерства по отношению к низшим чинам, увеличивается количество запретов (запретительных конструкций) в различных частях устава. Значительно сокращается число заимствованной лексики, требующей внутритекстовых толкований. Таким образом, в павловском уставе, в отличие от уставов Петра I и Екатерины II, отмечается несколько иной набор языковых средств выражения директивных, императивных значений. Однако это отнюдь не новые, но исходно собственные, потенциально заложенные в системе русского языка, лексико-синтаксические способы выражения всех «императивных ситуаций», конституирующих устав как директивный жанр.

С другой стороны, окончательно не прерывается связь с предшествующими эпохами, и весьма разнообразные способы выражения императивности, накопленные к XVII — началу XVIII в., в тексте устава в целом сохраняются, но в различной степени активности и употребительности (инфинитивные конструкции — самые частотные и актуальные, старые формулы с модальными словами *долженствует, да не дерзает, нужно* — единичны).

Источники

- Бобровский 1887 — Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887.
- ВУП — *Его Императорского Величества воинский устав полевой пехотной службе*. СПб.: Печ. при Сенате, 1797.
- ЕУ — *Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно*. СПб.: Имп. Акад. наук, 1776.
- УВ — *Книга Устав воинской: О должности генералов, фельдмаршалов, и всего генералитета и протчих чинов, которым при войске надлежит быть, и о иных воинских делах и тенденциях, что каждому чинить должно*. СПб.: Имп. Акад. наук, 1755.
- Шумигорский 1907 — Шумигорский Е. С. *Император Павел I. Жизнь и царствование*. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907.

Словари и справочники

- Даль 2003 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. М.: Русский язык, 2003.
- Епишкин 2010 — Епишкин Н. И. *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. М.: ЭТС, 2010. <https://gallicismes.academic.ru/32183> (дата обращения: 16.04.2023).
- САР — *Словарь Академии Российской*. В 6 т. СПб., 1789–1794.

Литература

- Бондарко 1990 — Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации. В кн.: *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Бондарко А. В. (ред). Л.: Наука, 1990. С. 80–89.
- Виноградов 1986 — Виноградов В. В. *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. М.: Высшая школа, 1986.
- Гавриленко 2008 — Гавриленко Е. В. Военная реформа Павла I. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008, (12): 53–56.
- Дронова 2006 — Дронова Л. П. *Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект*. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006.
- Епифанов 1946 — Епифанов П. П. *Военно-уставное творчество Петра Великого*. Рубинштейн Н. Л. (ред). Сер.: Военные уставы Петра Великого. М.: Изд-во Гос. 6-ки СССР, 1946. С. 5–45.
- Кобеко 2001 — Кобеко Д. Ф. *Цесаревич Павел Петрович (1754–1796): историческое исследование*. СПб.: Лига Плюс, 2001.
- Ковалев 2016 — Ковалев К. С. Военные реформы Павла I в оценках историков и мемуаристов. *Вестник Тверского государственного университета*. 2016, (3): 85–91.
- Коробов 1944 — Коробов Н. А. *Фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский*. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1944.
- Косов 2004 — Косов А. Г. *Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века: На материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.
- Кулькова 2010 — Кулькова М. А. Речевые акты, репрезентирующие коммуникативно-прагматический фрейм «запрет» в русских и немецких паремiologicalких текстах. *Вестник Воронежского государственного университета*. 2010, (1): 45–47.
- Лютюв 2007 — Лютюв С. Н. Русская военная книга во второй половине XVIII века. *Военно-исторический журнал*. 2007, (10): 63–66.
- Магдалинская 2011 — Магдалинская Е. Н. Экспликаторы модального значения необходимости в русском и польском языках (на материале научных текстов). *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2011, (2): 192–196.
- Майоров 2006 — Майоров А. П. *Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья)*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
- Марасинова 2017 — Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Никитин 2004 — Никитин О. В. *Деловая письменность в истории русского языка*. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 363–403.
- Никитин 2017 — Никитин О. В. *Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): лингвистические очерки*. М.: Наука; Флинта, 2017.
- Раскова 2012 — Раскова Н. В. *Афористика и фразеология языка произведений русских полководцев конца XVIII — начала XIX вв.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Руднев, Пушкарева 2021 — Руднев Д. В., Пушкарева Н. В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2021, (4): 36–49.
- Русанова 2021 — Русанова С. В. Наименования документов в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021, (5): 58–65.
- Садова 2020 — Садова Т. С. Императивная формула «надлежит + инфинитив» в тексте «Устава воинского» 1716 года: калька на службе русского военного текста. *Мир русского слова*. 2020, (1): 47–52.
- Скоробогатов 2005 — Скоробогатов А. В. *Политические взгляды Павла I: становление, эволюция, реализация*. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
- Тарланов 1999 — Тарланов З. К. *Русские пословицы: синтаксис и поэтика*. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999.

Шахматов 1941 — Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*. Л.: Учпедгиз, 1941.

Шелтухина, Горбань 2015 — Шелтухина Е. М., Горбань О. А. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2015, (5): 7–17.

Статья поступила в редакцию 11 апреля 2023 г.

Статья рекомендована к печати 3 ноября 2023 г.

Tatiana S. Sadova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
t.sadova@spbu.ru

About the language of the “Military regulations of the field infantry service” of Paul I*

For citation: Sadova T. S. About the language of the “Military regulations of the field infantry service” of Paul I. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (1): 147–165.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.108> (In Russian)

The article discusses the features of the language of the military regulations of 1796 by Paul I. Similar studies on the language of military regulations from the times of Peter I and Catherine II are used as comparative material. The multi-level features of the text are described. A number of judgments of historians, biographers of Paul I are given, indicating that the emperor wanted, first of all, to revive the “strictness of military service” of Catherine II. It is emphasized that the number of chapter sections containing an explanation of the reasons for such strict requirements, which is typical for the Peter’s regulations of 1716 (expressed by constructions with conjunctions *ibo*, *ponezhe*, *daby*, etc.), is extremely small in the Pavlovian regulations. It is significant that the most active grammatical means of expressing imperativeness, as the main semantic-pragmatic category of the regulations genre, is the infinitive, which has a high degree of categoricalness. Various syntactic constructions are described that express the meaning of command, obligation, necessity, etc. Numerous lexical actualizers of the semantics of imperativeness (*zhivo*, *provorno*, *skoro*, *vdrug*, *srazu*, *razom*, *nezamedlitel’no*, etc.), substantively reinforcing this categoricalness, are not found in the statutory texts of the times of Peter I and Catherine II. Not so frequent are modal structures with lexical operators “*nadlezhit/dolzhen/nado* + infinitive”. The noted multi-level linguistic features of the charter of 1796 testify to the fully developed military underlay of the official language of the 18th century, many features of which have survived to this day.

Keywords: text of military regulations, official style of the 18th century, military style, historical stylistics.

References

- Бондарко 1990 — Bondarko A. V. On the analysis of categorical situations in the sphere of modality: imperative situations. In: *Teoriia funktsional’noi grammatiki*. Temporal’nost’. Modal’nost’. Bondarko A. V. (ed.). Leningrad: Nauka Publ., 1990. P. 80–89. (In Russian)
- Виноградов 1986 — Vinogradov V. V. *Russian language: Grammatical doctrine of the word*. Moscow: Vysshaia shkola Publ, 1986. (In Russian)
- Гавриленко 2008 — Gavrilenko E. V. Military reform of Paul I. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. 2008, (12): 53–56. (In Russian)
- Дронова 2006 — Dronova L. P. *Formation and evolution of the modal-evaluative vocabulary of the Russian language: ethnolinguistic aspect*. Tomsk: Izdatel’stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. (In Russian)

* The study was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-012-00338.

- Епифанов 1946 — Epifanov P. P. *Military regulations of Peter the Great*. Rubinshtein N. L. (ed.). Ser.: Voennye ustavy Petra Velikogo. Moscow: Izdatel'stvo Gosudarstvennoi biblioteki SSSR Publ., 1946. P. 5–45. (In Russian)
- Кобеко 2001 — Kobeko D. F. *Tsarevich Pavel Petrovich (1754–1796): Historical research*. St Petersburg: Liga Plius Publ., 2001. (In Russian)
- Ковалев 2016 — Kovaliov K. S. Military reforms of Paul I in the assessments of historians and memoirists. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, (3): 85–91. (In Russian)
- Коробов 1944 — Korobov N. A. *Field Marshal P. A. Rumyantsev-Zadunaisky*. Moscow: OGIZ Publ.; Gospolitizdat Publ., 1944. (In Russian)
- Косов 2004 — Kosov A. G. *The evolution of documentary genres in the business language of the 18th century: On the material of handwritten and printed texts of the United State Archive of the Chelyabinsk Region*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Chelyabinsk, 2004. (In Russian)
- Кулькова 2010 — Kul'kova M. A. Speech acts representing the communicative-pragmatic frame “prohibition” in Russian and German paremiological texts. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, (1): 45–47. (In Russian)
- Лютюв 2007 — Liutov S. N. Russian military book in the second half of the 18th century. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2007, (10): 63–66. (In Russian)
- Магдалинская 2011 — Magdalinskaja E. N. Explicators of the modal meaning of necessity in the Russian and Polish languages (based on scientific texts). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011, (2): 192–196. (In Russian)
- Майоров 2006 — Maiorov A. P. *Regional usage of business writing of the 18th century (according to the monuments of Transbaikalia)*. Abstract of the Thesis for Dr. Sci. in Philological Sciences. Moscow, 2006. (In Russian)
- Марасинова 2017 — Marasinoва E. “Law” and “citizen” in Russia in the second half of the 18th century: Essays on the history of social consciousness. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (In Russian)
- НИКИТИН 2004 — Nikitin O. V. *Business writing in the history of the Russian language*. Thesis for Dr. Sci. in Philological Sciences. Moscow, 2004. P. 363–403. (In Russian)
- НИКИТИН 2017 — Nikitin O. V. *Business writing in the history of the Russian language (11th–18th centuries): Linguistic essays*. Moscow: Nauka Publ., Flinta Publ., 2017. (In Russian)
- Раскова 2012 — Raskova N. V. *Aphoristics and phraseology of the language of the works of Russian commanders of the late 18th — early 19th centuries*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Moscow, 2012. (In Russian)
- Руднев, Пушкарева 2021 — Rudnev D. V., Pushkariova N. V. Regulations of the time of Peter the Great in the aspect of imperativeness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021, (4): 36–49. (In Russian)
- Русанова 2021 — Rusanova S. V. Names of documents in legislative acts and regional business writing of the 18th century. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021, (5): 58–65. (In Russian)
- Садова 2020 — Sadova T. S. The imperative formula “nadlezhit + infinitive” in the text of the “Military Regulations” of 1716: tracing paper in the service of the Russian military text. *Mir russkogo slova*. 2020, (1): 47–52. (In Russian)
- Скоробогатов 2005 — Skorobogatov A. V. *Political views of Paul I: Formation, evolution, implementation*. Thesis for Dr. Sci. in Historical Sciences. Moscow, 2005. (In Russian)
- Тарланов 1999 — Tarlanov Z. K. *Russian proverbs: syntax and poetics*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1999. (In Russian)
- Шахматов 1941 — Shakhmatov A. A. *Syntax of the Russian language*. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1941. (In Russian)
- Шелтухина, Горбань 2015 — Sheltuhina E. M., Gorban' O. A. Military letters of the middle of the 18th century in the aspect of the category of modality. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015, (5): 7–17. (In Russian)

Received: April 11, 2023
Accepted: November 3, 2023